

МАРГАРИТА ЮЖИНА

Позади

НА ЛИХОМ

КОНЕ

дамский смешной детектив

Маргарита Южина
Позади на лихом коне

«Маргарита Южина»

2006

Южина М. Э.

Позади на лихом коне / М. Э. Южина — «Маргарита Южина», 2006

Однажды поздним вечером вышла Тайка на мост и решила утопиться. Но и тут настигли ее злобные кредиторы, помешав совершить роковой шаг. Затолкали в машину и везут теперь на расправу... Храбрая женщина приготовилась стойко переносить испытания. Но что это? Незнакомец не проявляет обычного бандитского хамства, а смотрит на нее даже с сочувствием. Тайка уже поверила в существование прекрасных принцев-спасителей. И вдруг милые добрые люди, к которым привозит ее «принц», предлагают Тайке... стать живой мишенью, заменив супругу одного из них, на которую ведется охота! Может, действительно, лучше было все-таки утопиться? Однако история эта явно с двойным дном, и Тайка решает докопаться до правды...

© Южина М. Э., 2006

© Маргарита Южина, 2006

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	12
ГЛАВА 4	14
ГЛАВА 5	20
ГЛАВА 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Маргарита ЮЖИНА

ПОЗАДИ НА ЛИХОМ КОНЕ

ГЛАВА 1

– Нет, это же надо, а? Он меня бросил!.. Этот плешивый пудель встал вчера в позу Наполеона и торжественно сообщил, что у него новая сердечная привязанность! Сволочь! – всхлипывала Тайка прямо на своем рабочем месте, у контейнера.

– Да не убивайся ты так! – успокаивала подруга. – Он никогда до приличного мужика недотягивал. Обычный сельский вариант.

– Ага, то-то ты перед этим вариантом на своем дне рождения вертелась, думаешь, не помню?

– Это же я тебе уважение оказывала! – вспылила Катерина. – Я же видела, тебе неприятно, что его за Емелю держат, вот и поддерживала тебя, а так, на фиг он сдался! И чего ты на себе крест ставишь? Ты у нас умница, работяжка, каких поискать, фигурка замечательная, мордашка... Господи, ты посмотри, как у тебя морду от слез разнесло! Прекращай ныть! Вернется он, куда он без тебя? Если бы не ты...

Да, если бы не Тайка... Три года назад она встретила его возле магазина. Он стоял возле винной тары и глазами побитой собаки смотрел на всех прохожих. Чего он ждал, неизвестно, но тогда у Тайки было прекрасное настроение, впереди предстояли выходные, и она просто попросила этого несчастного донести ей сумки. После носильщик был приглашен на чай. К столу он подошел тщательно умытый и страшно смущенный. Первая же чашка «Беседы» самым волшебным образом оправдала свое название – из гостя полился поток откровений. Так Тайка узнала, что зовут его Геннадий, приехал он из села на крупные заработки. Сельский житель изрядно потрудился лопатой и решил, что пора переходить на новый виток жизненной спирали. Почему-то сам себе он виделся специалистом во многих отраслях и был всерьез обескуражен, что мощные, богатые промышленные предприятия вовсе не нуждаются в его, Гениных, услугах. В городе на заводах шли сокращения, зарплата не выплачивалась месяцами, а туда, где выплачивалась, устроиться было невозможно. Правда, Геннадий увлекался фотографией, но и она кормить его не собиралась. На каждом углу предлагал теперь свои услуги «Кодак». Тягаться с ним если кто-то и смог бы, то точно не Гена. Выслушав трагичную повесть гостя о коварной судьбине, Тайка разрешила ему переночевать, а после и совсем остаться. С первым своим мужем она разошлась еще десять лет назад, а мужик в доме никогда не помешает. Так и жили они вместе уже три года, расписываться не расписывались, но сроднились, притерлись, притерпелись друг к другу, и вот тебе на! Оперившийся Геночка возомнил себя ястребом и упорхнул к другой клуше.

– Тай, ну хватит слезы лить. Смотри, время уже пять часов, пора товар собирать да по домам, – напомнила Катерина. – Тоже мне горе – мужик сбежал! Ты через неделю ему спасибо скажешь, еще сама над собой смеяться будешь.

– Тут не до смеха, – горько вздохнула Тайка. – Ты ведь не знаешь многого, да тебе и не надо знать.

– Ой, ну я тебя умоляю! Что же такое мне неизвестно? Беременная, что ли? Нет? Ну а остальное все фигня! Выкрутимся!

Вечером Тайка поднималась по лестнице, таща тяжеленные сумки с продуктами – разводы разводами, а организм от этого страдать не должен.

– Ключ, зараза, тоже взбунтовался! – ворчала Тайка, воюя с заевшим замком. Свет в прихожей включить не успела – по глазам резко ударил яркий луч фонарика.

«Это что же за лампа у них, с маяка, не меньше!» – мелькнула в голове глупая мысль. Руки сами собой разжались, и тяжелые сумки с глухим стуком грохнулись на пол.

– Себя, значит, мы любим! Кормим, поим. Хорошо живете. Сыто! А долги, ясен пень, по барабану, – раздался мерзкий голос.

– Ребята, я не виновата, честное слово! Он завещание не на меня... – Договорить не получилось, Тайка просто задохнулась от боли. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Перед глазами живо запрыгали белые мошки, и она осела на свои же сумки. Сознание вернулось от того, что кто-то грубо хлестал Тайку по щекам. Тот же противный голос зло сообщил:

– Короче, завтра мы тебя находим в этом же месте, и ты нам, радостно улыбаясь, даришь чемоданчик, заметь, не пустой. Если что-то в сценарии задумаешь изменить – не успеешь. В общем, все по Станиславскому – мы сказали, ты сделала. А теперь позволь гостям выйти. Да, и не валяйся в таком непотребном виде, еще приличная женщина называется!

Вот это и была та настоящая беда, куда ее толкнул бывший так называемый супруг, который теперь предательски сбежал.

* * *

Все это случилось больше года назад. Супружество тогда казалось Тайке на редкость благополучным, Гена постоянно что-то дома мастерил, окружал заботой и только что на руках не носил. Правда, вопрос с работой так и оставался открытым, но у Тайки весьма удачно складывался ее, пусть небольшой, бизнес, и острой нужды в деньгах семья не испытывала. Однажды Гена выложил перед Тайкой на стол целую пачку фотографий. На всех снимках была она. Что это были за кадры! Тайка и представить себе не могла, что может так обворожительно выглядеть. Вот она у дерева, вот здесь – дома, а это совершенно замечательный кадр – она стоит на балконе. Тайка тогда попросила увеличить некоторые снимки и повесила их в комнате. Но Гена хотел не этого. После того дня он стал настойчиво убеждать жену, что фотография его единственное и настоящее призвание. Не согласиться с этим было трудно, однако оставалось непонятно, как Гена собирается изменить их жизнь, зарабатывая таким путем. Папарацци! Когда впервые он сказал это слово, Тайка долго восхищалась, как быстро в крестьянские мозги входят иностранные слова, пополняя словарный запас. И ведь произнес без ошибки! Затем это слово стало появляться все чаще и чаще в разговоре Гены. Тайка упорно приписывала его Гениному остроумию, но тот не шутил. Похоже, он всерьез заболел этой идеей. Пришлось реагировать по-другому.

– Гена! Что ты несешь! – кипятилась Тайка. – Ты думаешь, все так легко? Ну где ты будешь искать известных личностей, да еще в нежелательном для них виде? А если вдруг и удастся, как ты собираешься вытаскивать из них деньги? Тебя же по судам затаскают! И правильно сделают, все мы люди, нечего чужой слабостью пользоваться! Да и, в конце концов, это просто смешно – с твоим «ФЭДом» только кошек соседских можно фотографировать, а ты в папарацци!

– Вот я к этому и веду! – обрадовался Гена Тайкиной понятливости. – Мне нужен только хороший аппарат. И не просто хороший, а самый наилучший! Поэтому нужны деньги. Остальное – это уже мои заботы.

– Ничего себе! Значит, я должна достать деньги, и, судя по всему, немалые, а уж куда их потратить, ты без меня решишь, так, что ли?

– Родная моя, не просто потратить, а вложить в прибыльное дело, – убеждал супруг, преданно и нежно заглядывая в глаза. – Неужели ты не понимаешь, я хочу быть настоящим мужиком в доме. Я хозяином в доме хочу быть!

Уговаривать он умел. Для пушного веса мельком обмолвился, что в противном случае ему опять придется перебираться в совхоз, потому как быть мальчиком «подай-принеси» ему уже

его мужское достоинство не позволяет. Что такое случилось с достоинством, Тайка выяснять не стала, а, как и подобает любящей женщине, испугалась предстоящей разлуки с милым и, немного поразмышляв, согласилась. Деньги пришлось занимать, конечно же, ей, потому что Гена, с обожанием глядя на супругу, трепетно произнес:

– Я не стал бы втягивать тебя в свои проблемы, но такие деньги можешь занять только ты.

«Такие» деньги вылились в огромную сумму. Тайка наивно считала, что обойтись можно и гораздо меньшими вложениями, но будущий натуросъемщик популярно объяснил, что экономить на мелочах – себе дороже. Помимо дорогого фотоаппарата, у Гены была запланирована покупка крохотной комнатки для фотолаборатории и целая куча необходимых мелочей. Деньги Тайка решила занять у одного своего старого знакомого, с которым жила когда-то на одной улице и даже какое-то время дружила. Бывший друг занимался тем, что прикрывал почти весь центральный рынок, в том числе и Тайкин контейнер, своей заботой – иными словами, Езя был самой банальной «крышей». А поскольку кураторство рынка было не единственной его деятельностью, то денежки у него водились. Вот к нему-то и пришла Тайка.

– Значит, деньги нужны? – уточнил рыжеватый, начинающий полнеть Езя. При разговоре губы у него приветливо улыбались, а вот глаза смотрели пристально и хищно. Про былую дружбу он вообще вспоминать не собирался. – Я не спрашиваю, для чего тебе столько, чувствую, не на мороженое, только ведь, знаешь, я милостыню не подаю. А дать такую сумму без процентов, да еще на полтора года, это царская милостыня получается. Да ты и сама, как женщина самостоятельная, не примешь от меня такого подарка.

– Сколько? – холодея, спросила Тайка.

– Как и везде, тридцать процентов, а иначе разговаривать я не намерен.

Сумма получалась устрашающая. Но отступить было поздно, да и никто больше таких денег не даст.

– Я согласна, – подписала Тайка себе смертный приговор.

– Ну вот теперь можно и поговорить, – хмыкнул Езя. Не спеша закурил и, прищурясь от сигаретного дыма, продолжал: – А скажи мне, милая барышня, как продвигаются твои дела и что ты за своей душой имеешь?

«А то ты не знаешь!» – хотелось ответить Тайке, но пришлось, скромно опустив глаза, вспомнить все свои трудовые достижения:

– Накопила деньги, купила контейнер, немного развернулась – купила квартиру, небольшую, правда, но мне пока хватает. Родители мои жили в трехкомнатных хоромах в центре. Ну, знаешь, рядом с ЦУМом, так вот, четыре года назад мама умерла, теперь отец один остался. Только у него совсем недавно неизлечимую болезнь обнаружили. Врачи меня уже предупредили, чтобы готовилась к худшему. А я у папы с мамой единственное дитя, вот и получается, что хоромы эти по наследству моими окажутся.

Езя оживился, в глазах появился алчный блеск, он даже забыл про сигарету, и пепельный столбик грозил обвалиться ему на брюки.

– А квартира приватизирована?

– Спрашиваешь! Все как полагается.

– А данные твоего батюшки какие? Адрес?

Тайка без особого энтузиазма назвала адрес и фамилию отца. Потом прямо взглянула в глаза собеседнику:

– Знаешь, Леонид, ты раньше времени не суетись. Я не квартирой с тобой рассчитываться собираюсь.

Езя опустил глаза и принялся отряхивать брюки – пепел все-таки обвалился на его колени.

– А я, Тая, и не суечусь. Только и деньги свои мне выбрасывать неизвестно куда тоже не улыбается. Вдруг ты пролетишь со своими расчетами, как ты вернешь долг? Если у тебя нет ничего, так хоть семь шкур с тебя сдери, где ты возьмешь?

Деньги дали на следующий день, а Таисия Игоревна Демина стала заложницей своей слепой веры в прекрасное будущее, а если проще, своей собственной дури. Нет, сначала все было замечательно! Гена моментально переродился из услужливого неудачника в кипучего, увлеченного деятеля. Тайка на него не могла налюбоваться. С самого утра, едва успев перекусить, он уже уносился куда-то, не забывая при этом чмокнуть жену, вечером возвращался усталый, голодный, но с сияющими глазами и, глотая подогретые котлеты, с упоением рассказывал, какие места он присмотрел для мастерской и какие реактивы осталось докупить до полного и окончательного счастья. За стеклянной дверцей серванта уже лежал дорожный фотоаппарат, и притрагиваться к нему было строжайше запрещено. Тайка, помня, каких бешеных денег он стоит, на всякий случай не прикасалась даже к серванту. Полгода продолжалась эта эйфория, потом эмоции стали утихать. Когда выяснилось, что все к работе уже закуплено, до Гены стали смутно доходить слова, сказанные в свое время Тайкой. И действительно, где брать этих звезд в пикантных ситуациях? Гена затосковал, занервничал.

– Милый мой, так когда же долги будем отдавать? – спросила как-то Тайка у незадачливого работника.

– Да отдадим мы твои долги! – вспыхнул тот. Тайку тогда резануло именно выражение «твои долги». Ну, да чего в горячке не ляпнешь. В это время на Тайкину несчастную голову свалилась новая беда, о которой честно предупреждали врачи. Последние дни доживал отец и, собираясь отойти в мир иной чистым и прощенным, открыл дочери свою тайну.

– Ты теперь, Таюшка, взрослая, вот и рассуди меня по-взрослому.

В молодости отец был начальником маленькой конторки, где, помимо него, исправно трудились еще восемь женщин и двое мужчин преклонного возраста. Молодой начальник был хорош собой, удачлив, и впереди маячила успешная карьера. Ничего удивительного, что мужчина не удержался однажды на пике верности и у него случился жгучий роман с одной из сотрудниц. Чувства на корню задавила Тайкина мать, но, как выяснилось много лет спустя, на память о прежних страстях Ольга, так звали сотрудницу, оставила себе сына, отцом которого был грешный Тайкин папа. Когда впервые Игорь Петрович об этом узнал, его долго не отпускал элементарный страх, но Оленька старательно избегала встреч с ним, и Демин успокоился. Лишь сейчас, находясь на смертном одре, он решил хоть как-то восполнить то, что недодал сыну всю жизнь. Игорь Петрович Демин завещал квартиру сыну. Может быть, плата и была недостаточной, но сейчас только так он мог загладить свою вину перед сыном и Оленькой.

– Я знаю, что ты поймешь меня, девочка моя, – слабея, говорил отец Тайке. – Прости.

Что она могла ему ответить? Сказать, что теперь ей впору вместе с ним ложиться да помирать, или добивать укорами? К чему?

– У такого красивого, умного, интересного мужчины обязательно должно было быть много красивых и умных детей. И вообще, пап, я очень рада, что у меня где-то есть родная душа. Честно.

Гена же был родной душе не рад и изводил Тайку раздраженным шипением:

– Ты что, глупая? У тебя отбирают такие деньги, а ты ушами хлопаешь! На хрена ты столько таскалась с этими горшками и кастрюльками, с таблетками и уколами. Чтобы вместо огромной хаты в центре получить в наследство братишку с его голодным выводком? А чем ты собираешься с бандитами рассчитывать? Ты же у нас дама с умом, деньги под проценты занимала! А с чего эти проценты отдавать?

– С того же, с чего и сам долг! И не смей на меня орать! – не выдержала Тайка.

Той же ночью отец умер. Гена был настолько оскорблен обойденным наследством, что принципиально удалился на неделю в мастерскую и помощи никакой, даже малейшей, оказать

не соизволил. Ну а потом начались ссоры, пьянки, и чем ближе подходил срок отдачи денег, тем ярче Гена выражал свое недовольство семейной жизнью. За месяц до окончания срока вежливо напомнили о себе люди Езинцева.

– Они сказали, что через месяц нужно отдать весь долг и проценты! – горько сообщила Тайка. Гену это известие привело в буйство. Он кричал, что эти мордороты могут и подождать, не сдохнут, и вообще у него деньги с неба не валятся, а если разобраться, так это она – Тайка виновата во всех его неудачах, потому как другая бы ради любимого о-го-го! горы свернула, а с ней... Тайка носилась как заведенная, но денег достать не могла, все ее знакомые о таких суммах слышали только в «Криминальном вестнике».

Позавчера Тайка еще раз напомнила о долге, наивно полагая, что можно и продать это чудовище из серванта, которое поставило под угрозу все, включая жизнь, ведь она, как никто, понимала, что долг езинские мальчики все равно заберут, но теперь уже вместе со здоровьем. Вот тогда-то Геночка и встал в позу известного полководца.

– А почему, собственно, я должен отдавать эти деньги, да еще вместе с сумасшедшими процентами? Я у них вообще ничего не брал. А если что, я и в милицию не поленюсь сходить. Пересажают как миленьких!

– Но...

– И никаких «но»! А если уж тебе так жалко этих мордоротов, сама и выкручивайся. Я ухожу, слава богу, есть люди, которые меня и таким любят! Собери вещи, пожалуйста.

До Тайки медленно стали доходить его слова. Она с удивлением смотрела на преобразившегося супруга. «Надо же! Я ведь даже роста его не знала. Всю жизнь преклонялся, единственный раз выпрямился, чтобы такую гадость сказать!»

– Ну не стой столбом! Я же тебя попросил вещи собрать!

– Ах да... Твои вещи, – очнулась Тайка и пошла в кладовку. Немного покопавшись, вынесла пакет со старой кроличьей шапкой и войлочными ботинками «прощай, молодость».

– Вот, Геночка, забирай, – она протянула ему пакет. – Здесь все, в чем ты ко мне пришел.

– Что это за рвань?! А...

– А остальное, любимый, покупала тебе я, – сладко напомнила Тайка.

И Гена вылетел, кипя негодованием.

ГЛАВА 2

Касаров стоял у аквариума. Большая черная скалярия немедленно подплыла к кормушке и принялась с жадностью хватать воздух.

– Что, акула, хозяйки дома нет и покормить тебя некому, – бормотал Касаров, щедро подсыпая рыбам корм. Элина ни за что его не простит, если с ее любимцами что-нибудь приключится. Элина... Она еще совсем недавно ворвалась в его холостяцкую жизнь и на сто восемьдесят градусов изменила направление его, касаровской жизни. Впервые эту тоненькую кареглазую женщину он увидел на ипподроме. Марк не был большим любителем лошадей, да и на бега зашел третий или четвертый раз по острой необходимости, но, едва увидев с какой ловкостью женщина управляет с конем, он уже не мог оторвать от нее глаз.

– Скажите, он всегда вас так слушается? – обратился Касаров к незнакомке.

– А что вас удивляет? Вы же слушаете своего хозяина, – равнодушно отреагировала она.

– Я, знаете ли, с некоторых пор сам себе хозяин, но бывает, что и себя не слушаю.

– Удивительная вещь! Вам придется немедленно пригласить меня на кофе! Человек, который сам себе хозяин, – редкое явление.

Так начался их роман, который с каждым днем разгорался все жарче. Касаров восхищался своей подругой, а прекрасная Элина не раскрыла тогда еще и половины своих блистательных способностей.

– А скажи, непревзойденный мой кабальеро, что за важные дела у тебя сегодня? – как-то спросила она. Кабальеро и не думал посвящать любовницу в свой деловой мир. – Я это к тому говорю, что зачастую люди тратят огромные усилия на действия, совсем того не стоящие. Я вот где-то читала...

Элина в то утро бросила ему бесценную задумку. Это была даже не задумка, а довольно грамотная разработка. Дело касалось цветного металла. Для дилетанта в теневом бизнесе мысль была даже слишком зрелая, чересчур.

– Кто это тебя надоумил?

– Ну, любимый, мы тоже ши не лаптем хлебаем, – хитро улыбнулась Элина. – Не ломай зря голову, это я курсы маркетинга и менеджмента проходила. Там еще и не такие мысли витают, только кто-то от них как от мух отмахивается, а кто-то в голове бережет до поры до времени.

Задумка Элины принесла солидный куш, в несколько раз превышающий размер самой удачной сделки. Следующая мысль, которую эта невероятная женщина ему подкинула, касалась АЗС, и, хоть на этом попроще давно сидели самые что ни на есть короли, небольшая приписочка к расчетам позволила обойти все препоны и путем хитрых оборотов привела к тому, что и овцы были целы, и волки сыты. После этого у Касарова не осталось сомнений – эта женщина должна быть рядом с ним всегда. И он настойчиво стал просить ее выйти за него замуж.

Она согласилась. Им в загсе в паспортах шлепнули печати, и вот уже полгода они живут в законном браке. Дело Касарова пошло в гору, не без помощи супруги, конечно. Элина выдавала блестящие идеи не слишком часто, но все они были настолько продуманны, что неизменно приносили значительную прибыль. Сейчас же, впервые за все время, Касаровым пришлось расстаться, поэтому так медленно стали тянуться дни, телевизор больше не показывал ничего интересного. А каждое утро было отвратительным.

* * *

На кухне теперь раздавались не только тягостные завывания, но и притопывания. Повар Любаша, которая до сорока лет прожила в деревне, не могла оставаться спокойной, когда слышала музыку.

– Марк Андреевич, Юра пришел, – вежливо оповестила экономка Вера Львовна.

Тут же в комнату с шумом ворвался Юрий Лодовский – сводный братец Марка, равноправный хозяин и этих хором, и офиса, и всех дел.

– Ну, давай, рассказывай, какие у нас там последние новости? – спросил он.

– Сильно потрясти тебя нечем, вот только опять какая-то возня вокруг нас. Не нравится мне это.

– Я разберусь, – успокоил Лодовский.

Касаров пожал плечами и надолго задумался. Если Лодовский слыл вертопрахом, то Касаров был воплощением серьезности и солидности. Он тщательно обдумывал каждый шаг, но это не мешало ему срывать время от времени и ввязываться в самые немыслимые дела, а Лодовскому же, несмотря на всю ветреность, каким-то чудом удавалось всегда успешно доводить до конца любое начинание, поэтому в результате они все равно приходили к единому целому. Сейчас же повод для раздумий был более чем серьезный.

Не далее как месяц назад Элина разрешилась еще одной идеей. Теперь это была область фармакохимии.

– Ты знаешь, – с горящими глазами рассказывала Элина, – у нас в разных городах, в одно и то же время, два абсолютно незнакомых человека создали нечто потрясающее! Они получили такие составы, что если их соединить специальным образом, я имею в виду и температурный режим, и порядок, то получается прекрасная основа для препарата, который может сделать переворот в медицине, а нам останется только наладить производство и потом стричь купоны.

Касаров в химии был откровенно слаб, поэтому и отнесся к новой идее с юмором:

– Тебе это тоже на курсах по маркетингу шепнули? Не поверю! Чтобы знать такие тонкости, надо быть по меньшей мере профессором каких-нибудь наук. Я не знаю каких – медицинских или химических, но где-то рядом крутиться просто необходимо, чтобы хоть формулы от своих инициалов отличить. А ты у нас, по-моему, не ректор химического вуза.

– Я – нет, а вот мой бывший муж был профессором биохимиком. Он исправно трудился в Академии наук, а уж сколько через него прошло диссертаций, это и не вспомнишь. И дураком муж не был, если сумел из всех этих защит нужное зернышко отыскать. За это и жизнью поплатился, я так считаю. А все свои тетрадочки он мне оставил, в тайничке надежном – знал, чего бояться...

То, что Элина – вдова, Касаров уже знал, но то, что ее покойный супруг был известным ученым, для него явилось открытием. После этого сообщения все слова Элины подверглись тайной проверке, в результате чего выяснилось, что Элина не лгала. Это было приятно. Так началась подготовка крупного и доселе неведомого дела. Благополучный его исход сможет одними процентами кормить всю касаровско-лодовскую братию, и очень не скудно. Но, видимо, кто-то очень не хотел такого расклада. И вот неделю назад верные человечки шепнули Касарову, что Элину хотят убрать. Кто-то пронюхал, что не своей головой Касаров до мыслей мудрых доходит. Поэтому жена была срочно запрятана в профилакторий МВД. По знакомству Элине была выделена небольшая, зато отдельная комнатка, которую Касаров не ленился посещать ежедневно. И все равно он скучал.

ГЛАВА 3

Тайка медленно приходила в себя. Что это за манера – кулаками долги выколачивать? Ну, Езя, сволочь! Надо было срочно что-то придумать, но в голову лезли только идиотские мечтания про найденные кошельки и блестящие ограбления банков. Тайка вздохнула и пошла к зеркалу осмотреть себя после побоев. Следов не было. «Профи», – печально хмыкнула она и стала собираться. Идти жутко не хотелось, но видеть сегодняшних гостей и завтра не хотелось еще больше. К черту благородство! В конце концов, это ее квартира! И если уж так вышло, что все это семейство уже вселилось в родительскую квартиру, то пусть ей хотя бы заплатят. Пусть подсуетятся! Она независимо вскинула голову и вскрикнула. Все-таки зашибли ей шею, и теперь надо шевелиться осторожно. Сейчас она пойдет к Сатонскому Александру Игоревичу, то бишь к сыну своего отца, и потребует от него эти деньги. Тайка выскочила на улицу. Никогда еще она не чувствовала себя такой дрянью, как в тот миг, когда рука коснулась родного звонка. Дверь открыл родственник.

– Тая! Проходите, пожалуйста, – очень тепло улыбнулся он и тут же крикнул куда-то в комнату: – Мама! Галя! Встречайте гостью, Тая пришла!

Его крик услышали не сразу, да и понятно. В когда-то тихой квартире, где долгие годы царили покой и неторопливость, сейчас раздавались детские радостные голоса, из кухни слышался звон посуды, хозяйка, вероятно, готовила ужин, а из ванной рвался дикий кошачий вой.

– Там, наверное, дети кошку придавили! – испуганно заговорила Тайка.

– Да нет, что вы! Это ребятишки нашего кота Персика купают. Он, понимаете, не привык еще, вот и орет каждый день.

Из спальни вышла высокая, стройная женщина.

– Тая, вы меня извините, я уже прилегла, пока одевалась, не успела вас встретить. Меня зовут Ольга Семеновна, – представилась она мягким бархатным голосом.

Отца нетрудно было понять. Даже сейчас в этой женщине была видна гордая стать, а красивое лицо притягивало взгляд. Тут же толкались дети и беззастенчиво разглядывали новую тетеньку. Галя – жена брата – уже принесла чайник и домашнее печенье.

– Вот, тетя Тая, давайте знакомиться, – пропела она. – Это наши детки. Когда-нибудь они станут такими же, как вы, умными, красивыми и сильными.

– В будущем, может быть, а сейчас где красота? Где сила? Где мудрость, я вас спрашиваю? – дурчился Александр и, подхватив на руки сразу всех троих, поволок из гостиной. Ребятня только этого и ждала – раздались оглушительный визг и смех. Надо было поставить наконец вопрос ребром, но язык Тайке не повиновался. Ей просто необходимо разозлиться, но злости не было. – Таечка, вы к нам по делу? – будто читала ее мысли Ольга Семеновна.

– Да я, собственно... – замялась Тайка. «Ну говори же, чего язык жуешь!» – Я мимо проходила, дай, думаю, в родной дом загляну.

– Вот это правильно! – подхватила Галя. – Вы, Таечка, пейте, пейте, не стесняйтесь. Мы же родные все-таки.

У родных Тайка просидела неизвестно сколько, но так и не смогла сказать главного.

– Вы обязательно заходите к нам еще! Это ведь и ваш дом! – кричал вслед братец. «Вот это я и хотела вам разъяснить как следует, да разве вы дадите!»

* * *

Эх, черт! Рухнула еще одна надежда. И куда теперь идти? Только к кровопийце Геночке. Надо просто вцепиться ему в глотку и не отпускать, пока долг не вернет, вот и все. И пусть их завтра укокошат вместе, чего одной-то погибать!

У Гены в фотомастерской горел свет.

– Неплохой ты себе теремок устроил на мои денежки, – усмехнулась Тайка, глядя на перепуганное лицо Гены Алехина. – Вон и мышка-норушка уже, гляжу, завелась.

«Мышкой-норушкой» была женщина намного старше Тайки, а следовательно, и самого Алехина. Но зато, видимо, была с большим достатком, так как и в ушах, и на толстых словно сардельки пальцах у нее посверкивали бриллиантики вульгарных размеров.

– Гена, за квартиру рассчитаться бы надо, – заговорила Тайка.

– А чем ты докажешь, что эта квартира на твои деньги куплена? – спросил Гена.

– А ничего доказывать не надо, достаточно только назвать твоё имя и адрес.

– Не пугайте вы мужчину! Зачем такие страсти? У меня у самой сынок такими делами балуется. Сейчас, знаете ли, все понемногу в криминале, так вот Геночку я уж как-нибудь огражу, вы за его здоровье не тревожьтесь.

– Да я не за его, за свое тревожусь! Я утром же продам твой фотоаппарат и верну хоть какую-то часть долга, а ты нищим был, нищим и останешься!

– А где ты его возьмешь? Тю-тю фотика! Я его забрал еще вчера утром, когда ты на рынке была. И вещи свои забрал, и фотик, – радостно оскалился Гена.

– Ой, ну Геша! Правда же, он как ребенок?! – восторгалась клуша.

– Слушайте, – пошла на мировую Тайка, – вы хоть понимаете, что меня завтра могут убить, искалечить? У вас же есть какая-то возможность, так помогите мне. Гена, я же тебе когда-то помогла! За что мне теперь так страшно расплачиваться?

– Вы, милая, не за Гешу платите, а за похоть свою бабскую! – зло фыркнула дебелая баба и придвинулась к Тайке почти вплотную. – Жила одна, без мужика, а как появился, так рада была ему ноги лизать! Ты и в долги-то залезла, чтобы его покрепче к себе привязать. Скажешь нет? Я поумней тебя буду. Есть у меня кое-какой капитал, как не быть. Про твой долг я знаю. Не скажу, что легко, но заплатить бы его смогла, только зачем? Мне-то лучше будет, если тебя со света сживут, не будешь глаза мозолить!

– Но мне больше некуда идти!

– Вон пошла! – театрально встал Гена в знакомую позу.

«Вот ведь сволочь! И дался ему этот Наполеон! Ну погоди!» – бубнила Тайка, ничего не видя вокруг. Жить больше не хотелось. Она побежала к мосту. Бежать было больно, но сейчас боль должна будет отступить. Перегнувшись через перила, Тайка посмотрела вниз. Там, под мостом, ревел свирепый поток. Ветер сдернул с Тайкиной головы берет, и волны жадно его подхватили, через секунду его уже не было видно. «Вот и берет сдуло! Такой замечательный, не китайская подделка. Прощай, жизнь!» Тайка перекинула одну ногу через перила и в тот же миг почувствовала жесткий рывок.

ГЛАВА 4

– Любаша! Накрой мне, я быстренько пообедаю, да ехать надо, – велел Касаров поварихе.
– А чего торопиться? Горячее не спеша есть нужно, – приговаривала румяная Любаша, аккуратно ставя перед Касаровым блюдо с запеченным цыпленком. – Я и Элиночке курочку положу, отвезете. Там ведь знаете как кормят, кишки наружу вылезут.

– Нормально там кор... Да где там-то? Сколько раз вам говорил – Элина в гостях у тетки!

– Ну да, ну да, у тетки, – быстренько согласилась Любаша. «Господи, и чего стыдиться? Уж сказал бы прямо, мол, на сохранение положил бабу, а то тетку какую-то приплел!» Касаров и Любаше, и Вере Львовне сказал, что Элине пришлось поехать к захворавшей тетушке. И если экономка отнеслась к этому без повышенного интереса – ну, к тетке так к тетке, то Любаша долго размышляла над этим сообщением и пришла к выводу, что хозяйка очень хочет стать матерью, но отчего-то у нее с этим делом не ладится, поэтому и залегла в больницу.

– Любаша! Ты сама пробовала, что приготовила?! – рявкнул вдруг Касаров.

– Да как же я попробую? Что ж я, потом вам куру без лытки покладу?

– Ну попробуй! – поставил перед ней тарелку отчего-то рассерженный хозяин.

Любаша сунула кусочек в рот и застыла. Выплюнуть сразу было неловко – Марк Андреич с ехидной улыбкой ждал, а есть это было невозможно. Ну когда же она привыкнет, что цыплята в этой упаковке продаются уже со специями!

Звякнул телефон, и водитель сообщил, что подогнал машину к подъезду. Касаров выскочил из дома.

– Куда это он? – вышла из комнаты Вера Львовна.

– Да к своей, в роддом, – махнула рукой Любаша.

– Не в роддом, а в психиатрическую лечебницу, – назидательно поправила экономка. – Он ее туда лечиться определил, а сознаться в этом неудобно, вот и говорит всем, что она уехала к родственнице.

– А по-моему, она ребенка ждет.

– Такая, как она, никого не ждет, а подлечиться ей просто необходимо. Марк Андреевич не дурак, сразу понял.

Любаша от уважения открыла рот. Догадка Веры Львовны была значительно красивее.

Через минуту машина уже мчала его к Элине.

– Ты замечательно выглядишь в этом платье, откуда оно у тебя? – зажурчал муж, хмелея от близости любимой.

– А ты разве не помнишь, это же твой подарок!

Ох, точно! Да какое это имеет значение, когда Элина вот она, совсем рядышком.

* * *

– А! Выследили! Догнали! Все равно у меня денег нет! – безнадежно выкрикивала Тайка в спину водителя. Это он только что отшвырнул ее от спасительной бездны, сунул бедолаге фляжку с каким-то забористым пойлом и теперь молча гнал машину в направлении, известном лишь ему. Тайка не сомневалась, что это ее кредиторы, следившие за ней денно и ночью, прервали такой отчаянный шаг. Неизвестно, что сильнее сейчас в ней кричало: радость ли от того, что избежала ледяной пучины, страх ли от того, что не удалось скрыться от мучителей, или попросту алкоголь. Терять ей, во всяком случае, уже нечего, поэтому она могла вволю наораться на неизвестного водителя. А тот, изредка отрывая взгляд от дороги, все с большим удивлением поглядывал на спасенную.

- Господи, – уже ныла Тайка, – ведь мне ничего не надо, только смерти прошу.
– Смерти? – спокойно переспросил шофер. – Что ж, будет тебе смерть.
И тут она поняла – этот мужчина совсем не от Езенцева!

У Тайки все перемешалось. Уже сутки прошли, как ее оторвали от моста, а ясности становилось все меньше. Был момент, когда она уже решила, что небо послало ей ангела-хранителя. Странный шофер привез ее в уютную квартиру, чуть ли не насильно затолкал в горячую ванну и сунул в руки тонкую рюмку с коньяком. Тайка и без того уже была изрядно во хмелю, но после рюмки коньяка мысли ее заработали в новом направлении. Сейчас она лежала в огромной ванне, и вся эта комната, отделанная не виданным раньше кафелем, напоминала картинку из журнала «Интерьер» – удобные полочки, зеркала, чудные шкафчики, где ровными стопочками лежали чистые полотенца различных цветов. Тайка на минуту представила свой совмещенный санузел и глубоко вздохнула. Да, у этого мужичка деньги водились. Что он там говорил, что поможет ей скончаться? Ну и дурак! Теперь Тайка приложит все усилия, чтобы остаться живой. Может, это и не так сложно, достаточно только ему понравиться. А что? Мужик он приятный и на маньяка не похож. И потом, когда они пришли в дом, двери им открыла приличная пожилая женщина, тоже не душегубка, сразу видно. Не станет же он при свидетелях расправляться с гостьей! Значит, у Тайки еще есть время, а там, кто знает, куда кривая вывезет. Тайку размо-рило от горячей воды и алкоголя, и она уже не помнила, как добралась до кровати.

Проснулась Тайка от того, что незнакомая пухлая женщина забрякала подносом.

– Вставай, красавица, залежишься – голова треснет, – хихикнула она и, оставив поднос на маленьком столике, удалилась, что-то напевая себе под нос.

Тайка пошла в ванную и залезла под душ. Когда она вернулась в комнату, хозяин уже сидел возле маленького столика и, по всей видимости, ее поджидал.

– Меня зовут Тая, спасибо вам за спасение, – стеснительно представилась гостья.

– Ты прямо на глазах меняешься. Вчера в машине чуть меня не разорвала – страсть как хотелось с моста сигануть, а сейчас словно овечка. Короче, поживешь пока здесь. Из комнаты не выходи.

А ей и не хотелось. Она смотрела телевизор, разглядывала журналы и наивно полагала, что жизнь совершила крутой виток и теперь ее, Тайку, ждут только прекрасные приключения. Она вышла на балкон. Этажом ниже, наверное, кто-то забыл впустить в комнату кота, и тот верещал на всю округу. Тайка перегнулась через перила и не заметила, как вернулся хозяин Юрий, он больно схватил ее за руку. Лицо его было жестким и сердитым.

– Пойдем! – резко выдернул он ее с балкона.

– Куда это, интересно? – упиралась Тайка.

– Ты получишь все, что хочешь, если правильно себя поведешь, – окончательно запутав Тайку, сказал Юрий.

– Марк, я к тебе! – влетел в комнату Юрий Лодовский. Глаза его излучали неестественный блеск, который появлялся всегда вместе с какой-нибудь очередной безумной затеей. – У меня идея!

– Кто б сомневался, – недовольно проворчал брат.

– Я вот что придумал. Это Элины касается. Ты ведь прячешь ее, так как знаешь, что в любой момент твою жену могут убрать, так? Но ведь почти никто не видел твою супругу. Она почему-то не желала афишировать ваши отношения.

Касаров стеснительно крякнул. Брат продолжил:

– Вы нигде не появлялись вместе. Так пускай ее прикончат, мы узнаем, кому это надо, и притянем к ответу! Вот тогда и развернется самая бурная деятельность с нашей химией.

– Слушай, ну просто золотая мысль! И правда, почему бы нам не прикончить мою жену? А мы делом займемся! И как меня, дурака, такая идея не посетила!

– Да ты не дослушал! Мы вместо Элины другую женщину подсунем. Ведь жену твою никто не знает, пусть ту грохнут и успокоятся.

– Это нереально, – отмахнулся Марк.

– Ну почему?

– Да потому что надо, во-первых, найти похожую женщину, вдруг кто-то видел Элину, а во-вторых, найти такую женщину, которая не только слепо согласилась бы сыграть мою жену, но и знала бы, что ей придется умереть, иначе в какой-нибудь момент может все испортить. А где ты найдешь такую и, самое интересное, как ты ее уговаривать станешь? Деньги в таком случае слабые рычаги – на фига ей деньги, если она дырку в башку за них получит?!

– Отвечаю: во-первых, с помощью нынешних женских хитростей из любой обычной жительницы нашего края можно вылепить нечто похожее на твою жену, а во-вторых, надо просто найти дамочку, которая не жаждет больше жить, но сама наложить на себя руки не решается. Вот и все.

– И как ты себе это представляешь? Объявление в газету дашь: желающих получить пулю в лоб просьба звонить по такому-то телефону!

– Да я нашел уже такую, – сказал Лодовский. – Я просто случайно видел, как женщина пытается с моста сигануть, вот тогда и появилась идея. У нее большие проблемы, поэтому она с радостью сыграет роль богатой женушки, почему бы последние дни не пожить по-человечески? По-моему, можно попробовать.

Касаров долго смотрел на невозмутимого Лодовского, а затем выдохнул:

– Ну ты и гад! Зачем же ты ее спас? Ну зме-е-ей.

– Ну, началось! Эта дамочка у нас вторые сутки проживает, я уже ее понял. Сначала думал – поживет, одумается, а она с балкона решила сигануть, еле успел за руку схватить. Ты знаешь, не зря же говорят, если уж кто решил с собой покончить, не уследишь.

– Ладно, веди свою Каренину. Хотя подожди, – Касаров мял в руках сигарету, начисто о ней забыв, – а если эта дамочка потом передумает? Ну, мало ли? Другие условия, другое имя – живи да радуйся! И с проблемами покончено, и в живых останется...

– Не думаю. Да и куда ей деться? Долг у нее большой, мы его заплатим, а если ей приспичит заново жизнь начать, пусть с нами рассчитается и будет свободна. А уж какие мы проценты накрутим, это наше дело.

– Ну что ж, твоя взяла, знакомь меня с «женой».

Тайка стояла посреди большой, богато мебелированной комнаты, и сидевший в кресле темноволосый мужчина бесцеремонно ее разглядывал. Наверное, точно так же он костюм себе выбирает, хотя костюм бы скорее всего руками потрогал, а на нее просто смотрит, да еще так, будто ему вместо Диора подсунули китайский ширпотреб. Тайка не знала, как держать себя в такой ситуации, и от этого нервничала еще больше. Ее провожатый стоял рядом с мужчиной и спокойно следил за его реакцией.

– Ты что, даже отдаленно ее не напоминает, – наконец заговорил темноволосый.

Юра невозмутимо пожал плечами:

– Фигура, да, немного великовата, а остальное... Слушай, да все равно лучше уже не найдем, давай эту накрасим, в божеский вид приведем, специалистов пригласим, а там посмотрим, чем черт не шутит. Мы же ее все равно издали будем показывать. Ну а фигуру она подкачает, на диете посидит, то да се.

– У меня, между прочим, нормальная фигура, – не выдержала критики Тайка. – При росте метр шестьдесят два я вешу всего пятьдесят девять килограммов, а если кому нужна женщина карманная, так это уже, извините, его проблемы!

Тайке надоело стоять, как школьнице, и она уселась в большое уютное кресло. Пока мужчины обговаривали ее небогатые внешние данные, она могла разглядеть их как следует. Темноволосый, по-видимому хозяин этой квартиры, мог бы считаться красавцем, если бы... У него была прекрасная прическа, вероятно произведение наилучшего парикмахера, были великолепные, выразительные глаза, чувственные губы и... немислимых размеров уши насыщенного розового цвета. Они просто притягивали к себе внимание любого, кто видел мужчину, поэтому общаться с ним было крайне трудно – уши все время отвлекали. Второй из присутствующих тоже мог бы выглядеть привлекательно, если бы не его вечно издевательская улыбка. «Чудный дуэт! И они еще обсуждают мою внешность!»

– Вы знаете, что должны будете умереть? – не догадываясь о Тайкиных мыслях, без всяких предисловий спросил вдруг темноволосый ушан. – Лодовский, ты ей ничего не говорил?

– Когда бы я успел? – удивился Юрий. – Ну да ведь обрадовать человека никогда не поздно. К тому же у тебя, Марк, с объяснениями лучше получается, обстоятельнее.

Тайка слушала, как препираются эти двое мужчин, и все больше расстраивалась – о ее смерти они говорили вполне серьезно. Нет, это понятно, она и сама хотела того же совсем недавно, но уже одумалась, душой была, и теперь у нее совершенно другие планы. Ну ладно, посмотрим, кто кого.

Тот, которого назвали Марком, между тем медово начал:

– Давайте знакомиться. Меня зовут Марк, это Юрий, а вас?

– А нас Таисией! – гордо заявила Тайка.

– Так вот, Тая, неприятности у вас... можно я на «ты»? Неприятности у тебя серьезные. Даже кинувшись в воду, ты бы не решила своих проблем. Деньги свои Езинцев вернет любым путем. Не будет тебя, все семейство из той квартиры уберут и глазом не моргнут, все равно квартира отойдет Езе, а невинные люди пострадают.

Тайка сцепила руки. Они и в самом деле прекрасно изучили всю ее подноготную. Сладкоголосый Марк продолжал:

– Ты можешь отдать этот долг?

Тайка молчала.

– Тебе не на что надеяться. Понимаешь, даже работая несколько лет, ты не рассчитаешься. А кто же будет ждать столько времени! Ты сама поняла – выхода у тебя нет.

В комнате повисло молчание. Потом Марк снова заговорил:

– Видишь ли, мою жену хотят убить. Это умная, предприимчивая женщина, которая для нас сделала очень многое и еще многое может сделать. Сейчас она предложила такую разработку в области биохимии, которая скажет новое слово в мировой науке. От этого открытия медицина шагнет далеко вперед. Но, как и всякое крупное начинание, это дело имеет не только сторонников, есть и противники, они-то и хотят убить мою жену. Вот поэтому ты и будешь ее замещать. И принесешь пользу не только конкретно нашей семье, но и всей медицине.

– То есть я должна подставиться вместо нее, так? А когда же ее, то есть меня должны ликвидировать?

– Этого мы точно не знаем. Известно лишь, что не позже двух месяцев, – любезно подсказал Лодовский и тут же ободрил: – Ты все сделаешь правильно.

– Естественно, тем более что альтернативы у меня, видимо, нет, – дернула Тайка подбородком. «Ага, ждите, я завтра же подставлю под пули свою трепетную грудь!» Тайке был неприятен этот разговор, ну да ладно, проживет некоторое время, как порядочная жена, а там что-нибудь придумается. Главное, чтобы они отдали долг.

– Если есть вопросы – спрашивай, – благосклонно позволил Марк.

– Вопросов-то куча. Ну, во-первых, если вы такие наворо... обеспеченные, почему не можете собственную жену спасти?

– Нам так удобнее, – просто ответил собеседник.

«Нет! Ни хрена себе! Им удобнее, а мне?!» – взорвалась было Тайка, но справилась с собой и продолжала интересоваться:

– Где гарантия, что вы отдадите мой долг? Ведь мы же на этих условиях с вами договариваемся, я правильно вас поняла?

– Правильно, а гарантии у тебя будут уже сегодня вечером. Еще что-нибудь?

– Ну да! А что станет с моей квартирой? Не с отцовской, а моей, личной?

Лодовский и Касаров переглянулись:

– А что с ней станет? У тебя есть пожелания?

– Да, я хочу, чтобы она не продавалась. Даже если меня расстреляют.

– Хорошо, ее не продадут, но на твоём месте я не стал бы на что-то рассчитывать. Тем более что ты идёшь на это добровольно, – холодно сказал Марк. – У тебя ещё вопросы?

– Ну конечно! Мне нужно знать все о вашей жене, иначе как же я буду ее изображать?

– Сегодня ты все равно ничего толком не запомнишь, поэтому ходи и присматривайся, знакомься с домом, а завтра тебе расскажут об Элине. Теперь тебя будут звать именно так.

Марк закончил разговор и, ободряюще улыбнувшись, вышел из комнаты, следом за ним поспешил Лодовский. Тайка осталась одна в гостиной. Обстановка была добротная, дорогая, но лично она сделала бы здесь все по-другому. Только вот лично ее никто об этом и не спрашивал.

– Элина, я могу показать вам дом? – раздался за спиной женский голос. Ухо резануло чужое имя, и Тайка вдруг поняла, что время начало свой отсчет. Перед ней стояла та женщина, которая открывала им с Лодовским двери в первый день. Ей было на вид лет шестьдесят – шестьдесят пять, ухоженная, одета со вкусом. Она выжидательно смотрела на свою новую хозяйку. В ее взгляде не было ни напыщенности, ни подбострастия. – Меня зовут Вера Львовна, так вам показать комнаты?

– Нет, спасибо, я как-нибудь сама, – отказалась Тайка. Ей надо было осмотреть здесь каждый уголок, и желательно без свидетелей.

Вера Львовна равнодушно удалилась, а Тайка отправилась гулять по квартире. Первое, что она увидела, войдя в ближайшую дверь, была огромная кровать.

– Вера Львовна! – заверещала Тайка так, что та, забыв про свое равнодушие, стремглав прибежала в комнату. – Вера Львовна, это что?

– Как, простите, что? – не поняла старушка. – Это ложе ваше супружеское. Неужели не помните?

– А то вы не знаете! Откуда же я помнить могу, если не лежала здесь ни разу?! – разозлила Тайку такая откровенная ложь.

Вера Львовна была непрошибаема.

– А что вас так взволновало? – спокойно спросила она. – Это и в самом деле ваша общая спальня.

«Вот это и взволновало! Неужели придется сюда ложиться!» Экономка, будто услышав ее мысли, так же спокойно пояснила:

– Видите, здесь две двери по разные стороны?

– Ну?

– Это лично ваша опочивальня, можно сказать, а вон та – Марка Андреевича.

– И что, это мы не каждый день вместе спим, что ли? – выпытывала новая «Элина».

– Я, знаете ли, в интимные дела хозяев не лезу. Но думаю, что как бы часто вы раньше вместе ни спали, всегда можно сделать перерыв недели на две.

– Точно! Или на два месяца, – обрадовалась Тайка. – А что, в мою комнату и в самом деле никто не может войти?

– Только муж.

Комната Элины отличалась удивительным изяществом. Мебель здесь была легкая, светлая. Тайка забыла про свое жгучее желание исследовать жилище самолично и теперь ходила за

экономкой, жадно вслушиваясь в каждое слово. В комнату Лодовского, который был тут таким же хозяином, как и Марк, Вера Львовна Тайку не пустила, равно как и в кабинет Касарова.

– А как получилось, что у Юрия такие же права на квартиру, что и у Касарова? – поинтересовалась Тайка.

– Да очень просто, Лодовский Юрий – это брат Марка по матери, у них только отцы разные. Эту квартиру им мать оставила, когда в очередной раз вышла замуж и переехала к новому мужу. Правда, тогда это были не такие хоромы, а позже родной папочка Юры прикупил сыну еще одну квартиру на этой же лестничной площадке, а когда уж Андрей Никитич – отец Марка прослышал о подарках таких, так прямо весь вспенился! Два года из кожи вон лез, но Марку квартиру сделал, причем на этой же лестничной площадке. Братья всегда в мире жили, вот и сделали из трех квартир такие хоромы. Марк постарше, Юрочка – младший, так и живут вместе.

– А вы откуда такие подробности знаете? Неужели они вам докладывали?

– А зачем мне докладывать? Я всю жизнь с ними на одной площадке прожила, а потом они мою квартиру и купили.

– И не жалко было с насиженного места-то съезжать?

– Место я где угодно насидеть могу, а таких денег, какие они мне заплатили, я в жизнь больше не увижу, – пояснила Вера Львовна, но вдруг, опомнившись, снова стала строгой и немногословной.

Когда пришли на кухню, у Тайки от ароматов начались желудочные спазмы. Кухня была невероятных размеров. Здесь же располагался обеденный стол. Честно говоря, кощунством было называть такой стол обеденным, за него даже жаль было садиться, но с пищей расправлялись именно тут. Пышнотелая, улыбчивая женщина, которая своим шумом разбудила сегодня Тайку, работала поварихой и сейчас трудилась вовсю, бойко колотя по вилку капусты длинным ножом. Поймав Тайкин взгляд, женщина тут же просто спросила:

– Вы есть хотите?

У Тайки еще нашлись где-то остатки стеснительности, и она скромно потупила глаза, чтобы не выдать голодного блеска:

– Спасибо, я пока не хочу.

– А вот это напрасно, сначала нужно как следует подкрепиться, а потом и к делам вернуться можно, – весело отозвалась повариха.

– Сейчас у Элины Михайловны по расписанию – тренажеры, – сухо напомнила Вера Львовна.

«Чтоб ты провалилась со своими тренажерами, так и помрешь среди еды голодной смертью», – со злостью ругнулась голодная Тайка, но вынуждена была поторопиться за экономкой, проклиная все на свете, а особенно Элину, которая ввела самое зверское правило – заниматься тренировкой перед обедом, а почему-то не после.

ГЛАВА 5

Касаров нежился на шелковой простыне и играл темной прядью Элининых волос. Жена, уставшая и умиротворенная, лениво курила длинную, тонкую сигарету.

– Что это ты не такой сегодня, солнышко мое? – подняла она на него подведенные глаза. – Что-нибудь случилось?

– Что у нас может случиться? Все как всегда, – небрежно бросил Марк, почему-то ему очень не хотелось говорить о том решении, которое они нашли вместе с Лодовским. Все это делалось для безопасности Элины, но говорить об этом не хотелось, и все тут. – Скучаю по тебе. Дом пустой.

– А уж я как скучаю, кто бы знал только! Кстати, как там моя Скалли? Ты скажи кухарке, пусть она рыбку живого корма купит, ладно?

– Ты по рыбку своей скучаешь или по мне? – обиделся муж.

– Я по дому скучаю, по тебе и по рыбку. Надоело уже урывками встречаться, как воры!

– Элина! Я же о тебе забочусь. Ты же знаешь, если с тобой что-то случится, я этого не переживу! Давай еще немножко потерпим, договорились? Ну, хочешь, я тебе что-нибудь куплю?

Элина отрешенно смотрела куда-то в угол комнаты. «Устала, бедняжка, прятаться. Скорей бы уж все кончилось», – подумал Касаров и томно придвинулся к супруге. Впереди было еще два часа, и не настолько долгих, чтобы тратить их на пустую болтовню.

Домой Касаров возвратился поздно вечером. Сейчас уже дела сердечные отошли на второй план, и он собирал все свои силы, чтобы окончательно решить, как же поступить с этой неразорвавшейся бомбой – тетрадами с химическими формулами. Раньше было просто – все дела отрабатывались по давно известным схемам, он брался только за то, что могло принести явную прибыль, обдумывал все сам и, естественно, разбирался в том, чем занимался. Элина же впервые показала, что идет он проторенными дорожками и собирает далеко не самые сливки. Вот и надо заняться таким бизнесом, где конкурентов немного, а спрос имеется. И лучше дела, чем этот препарат, невозможно придумать. Может, она и права, только с химией Касаров связывался впервые и столкнулся нос к носу с новыми проблемами. Во-первых, где и как искать покупателя на столь непривычный товар? Во-вторых, во сколько оценить эти тетради? Вряд ли кто-то может точно назвать реальную цену, надо просто называть сумму, а если продешевить? Проще всего обратиться к химикам, но кто их знает, скажут, что изобретение никакой ценности не имеет, что это обычная формула туалетной воды, а сами под шумок как свои мысли запатентуют. Здесь нужно своего человека иметь, а все свои люди отчего-то не являются профессорами химии. Просто голова пухнет.

Машина подкатила к подъезду дома. Ах ты черт! Марк сморщился, как от зубной боли. Он же опять «женатый», а уж «женушку» бог послал! Одна надежда, что бандюги с разборками тянуть не станут – грохнут красавицу, и дело с концом.

* * *

После тренажеров Тайка валялась на широченной кровати в своей комнате и лениво перелистывала журналы по коневодству. Она уже облазила всю квартиру, и больше всего ей понравилась ванная Элины. Вся стена была занята полками с косметикой, и гостя ни за что в ней не разобралась бы, если бы не вездесущая Вера Львовна. Она со знанием дела выставила перед Тайкой несколько баночек и довольно решительно указала:

– Вам подойдут тоник и увлажняющий крем, а для тела я бы посоветовала вот этот бальзамчик, он и увлажняет, и питает, и аромат имеет приятный.

Тайка только шире открывала рот от таких познаний стареющей леди. Но, выполнив все ее рекомендации, почувствовала себя удивительно легко и теперь блаженно валялась, наслаждаясь бездельем. В дверь без стука вошел теперешний «муж». Стоя там же, у порога, алея ушами, он четко объявил:

– Просмотри кассету, там доказательства того, что долги уплачены.

– Хорошо, оставьте. Я вот о чем... Мне бы хотелось, чтобы сюда входили только со стуком, я понятно изъясняюсь?

Касаров медленно покраснел. Она и правда имела право на одиночество.

– Прости, не подумал. Больше к тебе никто без стука не войдет, – сказал он и поспешно вышел.

Тайка схватила кассету и сунула ее в видик. На экране телевизора побежали зигзаги, но почти сразу картинка восстановилась, и Тайка увидела кабинет, где когда-то сидела сама, униженно выклянчивая проклятые деньги. Крупным планом на экран налез Езя, вальяжно развалившись в кресле, голос за кадром произнес резко и нахраписто:

– Таисия Игоревна Демина тебе должна?

– Ну-у, мне, а какие, собственно говоря, претензии? – пытался блеснуть Езя словарным запасом.

– Да, собственно говоря, никаких, – прервали его, и крупная пачка серо-зеленых купюр шлепнулась на стол. Камера прилежно показала лицо человека, швыряющего доллары. Лодовский посмотрел прямо в объектив и, взвешивая каждое слово, произнес ошарашенному Езенцеву:

– Демина Таисия больше не является твоей должницей, на ее имущество ты теперь не имеешь никаких прав! Уяснил?

Бывший кредитор растерянно моргал, затем схватил купюры и робко глянул в объектив. Захватывающий ролик закончился, и по экрану опять побежали торопливые зигзаги.

«Так тебе и надо, рожа бульдожья!» – с удовольствием подумала Тайка.

Закончив Институт культуры и поработав какое-то время за символическую зарплату, Тайка, как и большинство трудящихся, ринулась в волну перестройки. Вынырнула из нее бывший культработник уже рыночным продавцом, и специфика производства немедленно отразилась на ее когда-то робком характере, а уж про язык и говорить нечего. Тихонько положив кассету на то место, где ее оставил Касаров, Тайка нырнула под одеяло. Примерно через час в дверь постучали, и после разрешения вошел Марк.

– Если ты еще не просмотрела кассету, поспеши, пожалуйста. Ее надо убрать.

– Можете ее убрать, куда пожелаете, я не настолько мелочна, чтобы перепроверять вас на каждом шагу, – ответила Тайка, как ей показалось, с достоинством.

– Так, значит, уже посмотрела, – спокойно подвел итог Касаров. – Можно забирать?

– Да, можно. И выключите свет, Марк Андреевич, все равно столбом торчите.

У Марка заиграли желваки.

– Что-то, я смотрю, наши снайперы не торопятся, – прошипел он и вышел, хлопнув дверью.

Утро следующего дня началось с веселого пения полной поварихи – Любаши, как она сама успела представиться. Едва Тайка открыла глаза, как перед ее лицом очутился дымящийся чайник.

– Попробуй кофею, сегодня я по книге заваривала. Там пишут, что надо положить и сахар и соль, получается... как там... напиток дурманов.

– Гурманов, Любаша, – поправила Тайка и с опаской сделала глоток. Неизвестно, сколько было положено сахара, но соль кухарка, вероятно, отмеряла столовыми ложками.

- Чего скривилась, не понравилось? – испугалась Любаша.
- Спасибо, Любаша, иди, мне вставать надо.
- Да уж, а то Юрий наш уж который раз про тебя спрашивал.

Тайка вскочила и побежала в ванную. Наполоскавшись вволю, Тайка нацепила один из халатов, которые висели на блестящей вешалке, и брезгливо дернула носом. Халат был красив, но это была чужая вещь, и надевать ее не слишком хотелось, однако выхода не было – ее темные брючки унесли куда-то еще в первый же день. «Надо хоть в магазин выпроситься, что ж мне, обноски донашивать».

– Я смотрю, у тебя нервы железные, – приветствовал ее Лодовский, едва она появилась в своей комнате. – Так могут спать только абсолютно беззаботные дамы, тебя, между прочим, люди ждут.

Он вышел из комнаты и тотчас вернулся с приятной женщиной лет тридцати. Проведя ее к туалетному столику и излучая все свое обаяние, Лодовский пояснил с печальным вздохом:

– Лилия Павловна, вы видите, что жена моя красотой похвастаться не может, нельзя ли что-нибудь сотворить с ее головой? Только учтите, что я обожаю темный цвет. Знаете, примерно такой, как у этой женщины, – бесстыдно врал Лодовский, протягивая фотографию Элины. – Это моя любимая спортсменка. Я знаю, вы кудесница, просто умоляю вас максимально притянуть мою супругу к этой внешности.

– Позвольте, – осторожно возразила Лилия Павловна, – волосы у этой женщины чуть ниже плеч, темные. У вашей жены волосы светлые и короткие. Вряд ли можно будет добиться схожести. Мы можем только изменить цвет волос вашей дамы. Но если вы желаете, можно нарастить пряди.

– Нарращивайте, – согласился еще один названный муж.

Тайка слушала их разговор, и в ней, как опара на дрожжах, разбухало возмущение. Понятно, что из нее делают двойняшку Элины, однако ею она все равно не станет, но и свое лицо, каким бы оно ни было, потеряет. Быть же безликой в ее планы не входило.

– Я не хочу ничего красить и наращивать! – категорично заявила она.

– А тебя, любимая, никто и не спрашивает, – равнодушно отозвался Лодовский. – За тебя решаю я, а я хочу, чтобы моя супруга была брюнеткой.

– Тогда я с тобой развожусь. И прямо сейчас уезжаю к маме, – с готовностью изрекла Тайка. У Лодовского погасла вечная улыбка и глаза растерянно заморгали. Положение спасла умница Лилия Павловна.

– Вы напрасно сердитесь, – тепло обратилась она к Тайке, – темный цвет вам очень пойдет, а длину, я думаю, добавлять не стоит, вполне достаточно будет модельной стрижки.

– Да, да, я с вами согласна, – кивнула Тайка и смиренно уселась перед зеркалом.

Через час парикмахер, мастерски выполнив свою работу, ушла, а Тайке пришлось признать, что с такой прической она выглядит куда эффектнее.

– Черт-те что получилось, – ворчал Лодовский. – Сходства ноль!

– Зато красиво, – тряхнула головой Тайка.

– Хорошо, посмотрим, что скажет Марк, а сейчас над тобой поработает визажист. Да! И учти, не зарывайся! Ты не у папочки живешь.

– Зато у мужа. А ты тоже помни, мне терять нечего, а ты, если не сдержишься, деньги за мой долг даром выбросишь.

– Привыкла у себя на рынке торговаться – хочу продаю, хочу нет, здесь люди серьезные. Не мы от тебя, а ты от нас зависишь, уяснила? – полоснул Лодовский ледяным взглядом.

Настроение упало. Перед этой Лилечкой таял, как леденец, а с ней обращается, как медик с лягушкой. Лодовский между тем ввел в комнату лысоватого здоровенного детину, больше похожего на отъевшегося монаха, чем на творителя женской красоты.

– Что будем делать? – голосом десятилетнего мальчика проверещал детина.

– Любовница тут у моего мужа завелась, вот, хочу быть на нее похожей. Максимально! – рывкнула Тайка и швырнула фотографию.

Визажист с удивлением посмотрел на Лодовского, но тот только развел руками.

– Милая, вы намного интереснее этой дамы. У вас волшебное лицо – светящиеся глаза, неповторимо очаровательные губы, посмотрите, как они просят поцелуя!

Тайка повнимательнее присмотрелась к губам. Господи! Вот позорище-то, у нее и в мыслях нет ничего подобного!

– А брови! Это два блика утреннего вдохновения, которые...

– А я хочу другую! – наступил песне на горло Лодовский.

– Да, – спохватилась Тайка, – мой муж недавно от сохи, откуда у него тонкий вкус. А вы не на рынке – хочу делаю, хочу нет. Здесь не мы от вас, а вы от нас зависите, не зарывайтесь! – выплескивала Тайка злость на ни в чем не повинного великана.

– Как будет угодно.

После его ухода Тайка старалась приучить себя к мысли, что эта посторонняя женщина и есть она сама, только у нее теперь другое имя, другой характер, другие манеры и все совершенно другое, не ее. «Уж лучше бы сразу на лбу мишень нарисовали», – со вздохом подумала она.

– Элина! – окликнули ее. В дверях стояли оба ее мужа на сегодняшний день.

– Ну как? – спросил Лодовский.

Касаров долго и пристально вглядывался в новое лицо, не замечая, что губа разочарованно ползет вниз.

– Юр, она, по-моему, стала еще хуже, чем была, – протянул он.

– Хуже уже некуда, чего ты? Привыкнешь, – ободрял, как мог, Лодовский брата.

Тайка молча прошла в ванную и старательно смыла весь клоунский грим. Там же подкрасила лицо по своему усмотрению и, отметив, что никакой визажист не знает лицо лучше, чем сама женщина, предстала перед разъяренными мужчинами.

– Ты что себе позволяешь?! – не выдержал Лодовский. Если бы не было Касарова, он бы разорвал эту «Элину», как газету, благо еще одна в запасе имеется.

– Не ори, – остудила его Тайка. – Хватит в куклы играть. Волосы мне испохабили, лицо уродовать уже лишнее. Сами говорили – эту Элину мало кто видел, только самые приближенные, и то не часто. Ну, намажусь я, как индийская невеста, а фигура? Походка? Привычки? По одной только фотографии из меня вашу Элину не слепить. Да и не нужно. И почему вы решили, что ее кто-то хочет убить? Для чего? Чтобы сделать больно вам, Касаров? Так приведите меня в людное место, не спускайте с меня восторженных глаз, и после трех-пяти таких сеансов ваши враги поймут, что убивать Элину не имеет смысла, так как вы по уши увлечены мной, и, возможно, убьют меня, чего вы и добиваетесь.

– Ты посмотри, Марк! Наша утопленница еще и думать пробует! – радостно удивился Лодовский. Тайка на него даже не взглянула, а вот Касаров впервые с живым интересом смотрел на эту вздорную и непредсказуемую женщину. «Может, и придется мне когда-нибудь почесать тебя за ушком», – хмыкнула про себя подсадная утка.

– А если ее хотят убрать по другой причине?

– Смотря по какой, – продолжала Тайка. – Может быть, и там есть более совершенные решения, чем идея разрисовать меня под хохлому.

Их беседу прервала разъяренная Любаша. Она ворвалась в комнату, схватила Тайку за руку и потащила на кухню, не обращая никакого внимания на хозяев.

– Человек не завтракал, а уже и обед прошел! Со своими разговорами совсем девку голодом заморить хотят! – ворчала она.

Мужчины спорить с Любашей не осмелились, поэтому потянулись за дамами, и разговор продолжали уже сидя за столом. Сейчас Марк описывал свою супругу.

– Элина моложе тебя, ей тридцать семь, но больше тридцати дать невозможно.

– Соевая молодость, – фыркнула собеседница.

– Как это соевая?

– Ну, мясо сейчас соевое продают, посмотришь – похоже на мясо, а попробуешь – трава, она и есть трава. Что вот такое ваша Элина! Только что ростом маленькая.

– Зато маленькая собачка до старости щенок! – встрял Лодовский.

«А невестку-то ты не любишь, – отметила про себя Тайка. – Интересно знать, почему?»

– Элина разрабатывает сейчас важную сделку. Все, что приносит доход одному, не всегда нравится другому. Поэтому и хотят убрать ее. Не любят мужики, когда кто-то умнее их на три порядка, и уж тем более, если этот кто-то – женщина. Вот и дошел до нас слухок, что жене моей недолго голову на плечах носить осталось, а поскольку такие слухи не бабушки на скамейках распускают, то и основания для беспокойства имеются не шуточные. Теперь понятно? – терпеливо прояснял ситуацию Марк.

– Но ведь слухи на то и слухи, что не всегда правдой оказываются, – сомневалась Тайка.

– Если хочешь, назови это информацией, суть не меняется. Единственное, что неясно, так это когда точно снайперы приступят к работе.

– А что, до Элины у вас не было крупных и удачных сделок?

Касаров и Лодовский переглянулись.

– Почему же не было?! А чем мы, по-твоему, занимались столько лет? Дела у нас шли неплохо. Правда, не такими бешеными скачками.

– Тогда почему это раньше никого не возмущало? – не хотела понимать Тайка.

Первым не выдержал Лодовский. Он отодвинул тарелку и грозно прошипел:

– Потому что раньше все дела обдумывал Касаров. А сейчас за него стала думать Элина, а это сильно бьет по мужскому самолюбию. Понятно?

– Нет, не понятно. Сколько женщин заводят, проталкивают и разворачивают свой бизнес, и у многих это получается лучше, чем у мужчин. Я сейчас с ходу могу назвать несколько имен тех женщин, которые развернулись так, что вашей Элине и не снилось, однако ж они прекрасно себя чувствуют, работают и процветают. И никто, повторяю, никто не собирается их отстреливать лишь за то, что они женщины.

– Я с тобой согласен, но те женщины начинали с малого и постепенно добивались до высот, а здесь имеет место талант – моментально из ничего сделать миллионы, это сможет только неординарная личность.

– Точно, – фыркнул, не сдержавшись, Лодовский. – Если это к тому же талант выкачивать чужие деньги...

– Она эти деньги не воровала! Просто ей в голову умная идея пришла раньше, чем всем остальным. Это их и бесит, – не согласился Касаров. – Ну, тебе в общих чертах понятно?

– Если мне что-то будет неясно, я у вас спрошу, – пообещала Тайка и вдруг вспомнила: – А мне можно в магазин пойти?

– Какие магазины? Мы ей целый час объясняем про ответственность, а она про магазины! – возмутился Лодовский. – Чего тебе не хватает?

– Да ничего! Мне ведь какую-нибудь одежонку купить надо. Сделки какие-то обдумывают, а самое простое понять – ума недостает.

– Запиши, что тебе надо, и Лодовский привезет, – не поддался Касаров.

– Хорошо, только учтите, Юрочка, нижнее белье я люблю светлых тонов и обязательно из натурального хлопка.

Лодовский в бессильной злобе воздел глаза к небу. Куда легче войти в один лифт с убийцей, чем в магазин этих женских премудростей. Хотя... Он уже знает, как ему поступить.

Тайка, заметив, что обсуждение Элины прекрасной временно прекращено, встала и, откланявшись, вышла. День сегодня выдался удачный. Она отстояла свое лицо, ее впервые по-настоящему заметил Касаров, она поняла, что Лодовский недолюбливает умную жену брата, и еще ей было очень приятно, что строгая дама Вера Львовна и тучная Любаша на деле оказались заботливыми и милыми женщинами.

* * *

Касаров и Лодовский гоняли шары по зеленому сукну бильярдного стола. Марк Андреевич любил бильярд, превосходно играл, но играть отваживался только дома. Виной всему была безобидная привычка – Марк неизменно шевелил кием и без того вызывающие улыбку уши. Делал он это в забывчивости, но так трогательно и бережно, что удержаться от смеха ни у кого просто не находилось сил. Зато с Лодовским он отрывался по полной программе. Вот и сейчас шары закатывались в лузы, а Юрий хитрой лисой все выжидал удобный момент, чтобы подойти к волнующему вопросу. Касаров помог сам:

– Слушай, Юр, завтра мужика привезут, в химии большой знаток, с нашими ребятами посидит, а там пошлем его вместе с ними на Запад. Совсем немного подождать осталось.

– А чего ждать? Будто обычных дел мало! Ребята хотят нормально работать и деньги получать, а у нас и правда получается – сунула твоя жена мыслишку, мы ее проглотили, крутанули и деньги поимели, потом опять ждем, что нам еще родят! А если с этой химией обломится, что тогда делать будем, ты подумал?

– Чего ты хочешь, предлагай!

– А я и предлагаю. У нас в городе новый район заложили. Перспективнейший! Большие люди за места там глотки рвут, а мы пролетели, у нас там вообще нет ничего! А надо бы! И тебе магазины, и стоянки, и автозаправки! Только работай, так нам все некогда, мы с твоей Элиной как с писаной торбой носимся! Я понимаю, семья – это святое, но ты тоже пойми, что ни у одного тебя семья имеется. У ребят и детишки, и жены, которых кормить-одевать нужно...

Касаров молчал. Он понимал, куда клонит брат, надо браться за ум, ворочать делами, иначе отстанешь так, что потом ни с какими деньгами не догонишь, но мысли были заняты только Элиной. Да и она о нем думала постоянно. Вчера, например, всполошилась, что у него под глазами круги, и тут же побежала к своему врачу, притащила небольшую склянку и настоятельно потребовала, чтобы эту муть он непременно выпил перед сном, она-де завтра проверит. Касаров тепло улыбнулся, кто еще будет так о нем заботиться?

Лодовский вышел из подъезда и плюхнулся на кожаное сиденье машины. Опять Марк его не понял или не захотел понять. Да, Юрий не восхищается слепо своей невесткой, и вовсе не потому, что она женщина. С такой же осторожностью он отнесся бы и к мужчине, окажись тот бесконечно удачливым. Лодовский привык, что за хорошие деньги надо прилично потрудиться, и неважно – руками или мозгами, но и верить в то, что, посидев вечерок над тетрадочкой, потом пойдешь и получишь тележку с деньгами, он тоже не мог. Любой непредвиденный штрих может испортить всю налаженную систему, а у Элины все шло как по маслу. Это бы и можно допустить, если бы бабенка с молодых ногтей крутилась в бизнесе, а то медь от алюминия отличить не может, а дельце провернула без сучка без задоринки, как и с бензином тоже. И ведь, как нарочно, не дает на одном месте укорениться! Получилось у них с цветным металлом, и работали бы там, опыта поднабрались, так нет! Бензин! Они в этом ни ухом ни рылом, и снова все закончилось благополучно. Такое ощущение, что им кто-то дорожку рублями выкладывает. У того хапанули, у этого оттяпали. Весь город против себя настроили, большой бедой пахивает, а тут на тебе – химия! Неужели Марк сам не видит, закружила ему голову эта Элька, только вот зачем? Уж если талантливая без удержу, так можно и одной дел наворотить – риску меньше.

Лодовский закурил. Какая-то тревога не давала ему жить беззаботно. Он и за утопленницу за эту ухватился, как за соломинку. Пока она в доме, Элина не может домой вернуться, выгнать Таисию тоже теперь нельзя – слишком много знает. Если только убрать, так до этого еще ни он, ни братец не доходили, чего руки марать. Хотя такая доведет, руки иной раз сами к шее тянутся! Вместо того, чтобы к Марку подлезть по-супружески, видит же, что тот к бабью неровно дышит, она как специально всех в доме драконит! Вот и сейчас, что Юрий тут торчит? А только того ради, чтобы липовой жене за бельишком смотаться, дел-то у него посерьезнее нет! Ну он ей уготовил, будет помнить.

Наконец из дома выплыла расфуфыренная Любаша. Это ее взял Лодовский в магазин женской одежды. Деревенская жительница слишком ковыряться не будет – возьмет, что попроще да подешевле, а уж что там, пускай Тайка сама потом с ней разбирается.

– Ну, Юрочка, поедем. Надо и впрямь нашу барышню нарядить. Да ты губы-то не криви, мы недолго, быстренько управимся.

Управились они и в самом деле быстро. Лодовский едва успел как следует протереть окна и зеркала на новенькой «бээмвухе» и взять сигарету, как уже в дверях магазина появилась Любаша с увесистой сумкой. Кухарка взгромоздилась на светлое сиденье и принялась хвастаться покупками:

– Смотри, Юрочка, вот этот лифчик нашей Таюшке как раз будет! И цвет не маркий и приятный, как думаешь, угадала? По вкусу ей будет?

Любаша вытщила на свет божий непонятного цвета вещь, обшитую атласом с бретельками – явными близнецами с лямками рюкзака. Любашин восторг можно было понять – ее многопудовый бюст могли удержать только такие помочи, да еще разве парашютные стропы, но Тайке и вообще не надо было покупать этот предмет туалета, во всяком случае, с точки зрения Лодовского – складывать в оный футляр у той было просто нечего. Однако Любаша продолжала, упоенно охая, доставать и остальные покупки, и скоро Юрий уже доподлинно знал, в чем будет дефилировать Таисия в ближайшее время. Он отомстил, белье и в самом деле оказалось «от Дояра»!

Дома Любаша, собрав своим криком всех домочадцев в гостиной, гордо вывалила удачные покупки на диван – красотой должны были насладиться все! Тайка относилась к кухарке очень тепло, но все же не смогла вовремя скрыть обиду и унижение.

– Скажите честно, с кого вы сняли этот гипс? – ткнула она брезгливо в атласную покупку.

– Немедленно уберите этот срам! – властно приказала Вера Львовна и, обняв за плечи всхлипывающую Тайку, повела ее в комнату.

– Да я полдня угробила, таскалась, все полки перерыла – искала, что попрacticalнее, подешевле и чтобы взглянуть было приятно! – вскипела Любаша. – Не нравится – сами бы и выбрали, а у нас в деревне отродясь и такого-то днем с огнем не сыщешь. Зато все вон какое добротное – чего хочешь делай, сто лет носи, и сносу не будет. У меня теперь даже и голова из-за вас разболелась, неблагодарные!

Любаша вперевалку удалилась на кухню, стеная от обиды и несправедливости и жалуясь на ужасную слабость во всем теле.

– Да ты не расстраивайся, – утешала Вера Львовна Тайку. – Сама завтра сходишь да выберешь. А на деньги наш Марк Андреевич не жадный, выберешь, что понравится, на цены даже не гляди.

– Ну зачем же так, при всех, на...

Тайкину жалобу прервал дикий короткий крик.

Крикнули на кухне. Обе женщины понеслись туда. Тайка ворвалась первая. То, что она увидела, не сразу дошло до ее сознания – на просторной кухне возле стола лежала Любаша, остекленевшие глаза ее смотрели куда-то в стену. Любаша была мертва...

ГЛАВА 6

– Ты не можешь меня убить! Я ни в чем не виновата! У тебя нет сердца! Ну что мне еще сделать?!

«Разослать пригласительные билеты на свои похороны!» – буркнула Тайка, выключая телевизор. Уж чего-чего, а оптимизма фильмы не вселяли. Вот уже несколько дней, как Тайка называлась Элиной, жила в чужом доме и всячески выдавала себя за касаровскую супружницу. После того дня, когда по непонятным причинам умерла Любаша, Тайка окончательно поверила, что братцы несколько не шутили по поводу предложенной ей смерти. Мало того, и Лодовский, и Касаров, и она сама были даже уверены, что бесхитростная Любаша каким-то образом приняла на себя удар, предназначенный Элине. Вызванные тогда врачи увезли убитую, и, хотя вскрытие показало, что на женщину никто не покушался, а умерла она от острой сердечной недостаточности, все почему-то были уверены, что это далеко не так. Кухарка выполнила Тайкину работу, а значит, убийцы поверили, что она Элина.

Значит, план Касарова удался, и это злило. Почему ни один из братьев и пальцем не пошевелил, чтобы наказать виновных? Мало того, этих виновных даже не искали. Все сослались на заключение врача и успокоились. А может быть, и действительно здоровье подвело. Тайку редко называли умной, рассудительной женщиной. Да чего там редко, вообще не называли, такие люди, как она, привыкли жить интуицией, и, как правило, именно у таких людей интуиция хорошо развита. И сейчас она упрямо подсказывала Тайке, что все не так просто, как на желтоватом листке написал служитель медицины. Вопросы были, а ответы на них Тайка найти не могла, понимала только, что надо ждать следующей вылазки убийцы. А это было нестерпимо. На уютное жилище как будто надвинулась грозная туча – предвестница страшного урагана. Вера Львовна спешно отпросилась в отпуск, и женщину не стали удерживать, теперь они остались втроем. Касаров почернел, срывался из-за любой мелочи. Лодовский все так же высокомерно ухмылялся, а Тайка пыталась придумать, как вырваться из захлопнувшейся мышеловки. Просто убежать она не могла – из-за нее мог пострадать еще кто-нибудь, да и деньги она должна была вернуть, теперь уже братьям – не отдашь, тоже заплатишься, а отдавать было нечего. Однако спасительные мысли почему-то избегали Тайкину голову. Она понимала, что надо начинать с Элины, уж очень странной казалась ей эта неизвестная супруга богатенького Касарова. Однако попробуй с нее начать, когда тебе никто о ней не говорит ни слова, а на малейший вопрос Касаров обрушивает на тебя эдакое домашнее торнадо! Так проходили дни, а Тайка моталась из угла в угол, покорно ожидая кончины, как рождественская утка. Вчера ее вывозили на небольшой фуршет, где псевдосупруге пришлось вертеться как ужу на сковородке, дабы хорошие знакомые братьев не почували замены. Но либо Элина и в самом деле на людях не показывалась, либо не оставила о себе никакого воспоминания. Сегодня никаких фуршетов не намечалось, и можно было спокойно отдохнуть! Тайка нашла в комнате брошюры анекдотов и сканвордов. Она взяла тоненькую книжечку сканвордов. Для того чтобы отвлечься от невеселых мыслей, это довольно неплохое занятие. У-у! Сканворды уже разгадывали, в клеточках пестрели чернильные надписи. По всей видимости, их сделала сама Элина. И все-таки пробелов было предостаточно, и Тайка, схватив на столике карандаш, с удовольствием занялась отгадыванием.

– Та-ак, свиной деликатес? Здесь уже написано – карбонат. Надо же! Век бы не догадалась. Зато вот резвый малыш на букву «Б» остался незаполненным. Бутуз. Подходит.

Тайка бубнила себе под нос слова, заполняя пустые клеточки, что-то Элина знала лучше, что-то хуже, но большого различия в интеллекте обеих дам не замечалось. Тайка радовалась, как ребенок, если удавалось заполнить хоть один пробел. Получалось некое подобие сражения ручки и карандаша. Однако, наткнувшись на очередную пустую клетку, Тайка остановилась.

Не может быть! Уже по-другому взглянула она на заполненный ручкой сканворд, недоумение росло. Ей хотелось схватить тоненькую книжку и бежать к Касарову, но что-то подсказывало, что это не самый лучший путь. Пошлет к такой-то матери со всеми своими догадками, а ей-то, может, и надо тянуть за эту ниточку. Только очень и очень аккуратненько. Тайка не могла больше нежиться в постели, ей надо было срочно увидеть если не Касарова, то хотя бы Лодовского. Мысли, как пчелы, сразу же собрались в гудящий рой, и надо было ими поделиться, пока эти драгоценные «пчелки» не разлетелись. «Вероятно, это рука Элины, но даже если предположить, что к ней кто-то наведывался, то вряд ли для того, чтобы в тишине поразмять мозги. А к ней, по рассказам Веры Львовны, гости никогда не приходили. Правда, потыкать в листик ручкой мог и сам Касаров, мало ли, может, решил сканвордами развлечься. Как бы это поточнее узнать, кто здесь упражнялся?

Тайка прошла в гостиную и томно расположилась перед телевизором.

– Марк, скажи мне, что такое днище? – вдруг спросила Тайка.

– Зачем? – не понял тот.

– Что значит «зачем»? Я отгадываю сканворд. Так что такое днище?

– Уж лучше бы ты вязать научилась, что ли. Как только не жаль время на ерунду тратить? – отмахнулся Касаров и снова уткнулся в телевизор.

– Лодовский, а когда тебе скучно, ты тоже вязать садишься? – невинно спросила Тайка.

– Нет, я, знаете ли, все больше крестиком вышиваю, – ехидничал тот. – Только сразу предупреждаю, что и я в словеса не игрок.

– Это и так понятно, здесь же думать надо.

Касаров очнулся от программы и взглядом зомби уставился на Тайку.

– Ты сегодня была на прогулке? – поинтересовался он.

– Конечно, меня выводили. Сегодня меня показывали возле центрального универмага.

Мы там, кстати, и продукты купили. Лодовский, как истинный джентльмен, даже отошел подальше, дабы самому не пострадать в случае нападения.

– И что? – допытывался Касаров.

– Ничего! Походили, посмотрели, купили что надо, сели да уехали. Я вот что хочу спросить, а если они передумали вашу Элину убивать, мне пожизненно здесь оставаться?

– Если передумали – сами справимся! – взорвался «суженый».

– А-а, а то я уже волноваться начала, – поддела его Тайка.

В коридоре раздался мелодичный звонок, и Лодовский подался к двери. Тайка вспомнила, что из ресторана сегодня ужин не принесут, так как она благополучно забыла его заказать, и потащила на кухню. После смерти Любаши они еще не научились готовить самостоятельно. Мужчины чужого человека в дом брать не хотели, сами же могли сделать только яичницу с колбасой. Тайке пришлось быстренько вспомнить кулинарные рецепты времен проживания с Алехиным, но сверхмодной плитой Касарова управлять было не так-то просто, и после того, как пару раз ужин сгорел, мужчины решили, что пока удобнее заказывать обеды в ресторане, а потом, может быть, Лодовский сумеет выдрессировать Тайку управляться с электрическим очагом. Тогда Тайка поняла только то, что держать ее здесь еще будут долго, и потихоньку стала учиться премудрости включения плиты самостоятельно. Иногда у нее получалось.

В гостиную вошли двое мужчин бандитской наружности. Сразу вспомнились слова: «...сами справимся». Тайка глубоко вздохнула и собралась терзать курицу, которую купили сегодня, но любопытство перетянуло. Из-за плотно закрытых дверей невозможно было услышать ни звука, а услышать было необходимо.

– Ты чего это изогнулась? – раздался за спиной голос Лодовского.

– Сказочку хочу послушать. Про умнейшую из умнейших, про Элину вашу.

– Какую сказку? Ты что?

– Ничего. Вы мне все время легенды про ее ум рассказываете, а Элина не мудрее меня, между прочим, я и доказать это могу, только уж очень не хочется вашего Ромео разочаровывать. А он сейчас ждет тебя, наверное? Ну а у меня разговор не быстрый. Завтра отвези меня, дружок, на зелененький лужок, там и побеседуем.

– И на что только бабы не идут, чтобы к себе красавца мужика затащить, – притворно вздохнул Лодовский.

На следующий день Лодовский остановил машину на небольшой полянке, недалеко от города. Тайка и попросила его остановиться именно здесь. Теперь она сидела прямо на зеленой травке и, подставив лицо под лучи еще не жаркого солнца, надолго оцепенела.

– Я вообще-то надеялся, что ты информацией поделишься, – не вытерпел Лодовский.

– Уйди ты отсюда, дай минут пять по-человечески воздухом подышать, – не меняя позы, рявкнула Тайка. Так она все и выложит сразу, ха! Подождет!

Долго, однако, нежиться не было времени. Присев на сиденье машины, Тайка достала из пакета маленькую бутылку спрайта.

– Слушай, Лодовский, а что вы мне басни плели про Элину? Она и образованна до невозможности, и интеллект у нее в мозгах не помещается, и знает практически все? Я посмотрела, у нее умственные данные еще ниже моих. А уж про внешние я просто из скромности не упоминаю.

– Где это ты посмотрела? – заинтересовался Лодовский. – Ты же с ней даже ни разу не говорила.

– Умные люди делают выводы из размышлений. Помнишь, я вчера со сканвордом носилась, видел, да? Так вот до меня этот сканворд Элина отгадывала. Очень интересные умозаключения можно сделать. Я бы вместо всяких там анкет, опросников сканворды давала решать, очень многое узнать можно. Про Элину тоже кое-что узнала.

– Ну, не тяни, что там прояснилось?

– Как раз не прояснилось. Еще непонятнее стало. Смотри. – Тайка достала тоненькую книжку и раскрыла на исписанной странице. – Вот, ручкой писала она, а я карандашом. Теперь слушай. Вот здесь ваша эстетка напрочь перепутала Доде и Моне, хотя один кистью работал, а другой пером.

– Киллер, что ли?

– Писал он! Ну а уж кто «Мыслителя» ваял, так и совсем стыдно не знать, однако и тут пустые клеточки. Это дураком надо быть, чтобы такое не знать.

– А кто ваял этого мыслителя?

– Вот я и говорю, дураком быть надо. Ну с тобой-то все как раз понятно, а вот почему Элина не знает? Так же прокололась она с Плисецкой. Имена-то какие известные, и вопросы в этом сканворде поставлены четко и правильно. Выходит, в культурном воспитании ваша леди на обе ноги хромает. Зато она великолепно знает, что такое свиной деликатес, а уж что касается конного спорта – все вопросы заполнены безошибочно. Но меня, конечно, насторожило другое. Смотри, вот здесь, видишь, большими русскими буквами написано АО. Ты знаешь, что это такое?

– Акционерное общество, так? – неуверенно пробормотал Лодовский.

– Точно. Ты среди этих букв крутишься, поэтому сразу отгадал, хотя даже Родена не вспомнил. А вот Элина, которая имела мужа-химика и сама в химии сильна, как вы меня убеждали, пишет – аргентум! Я еще со школьных времен знаю, что аргентум – это серебро и символ его пишется вот так. – Тайка написала на капоте. – Можешь проверить. А дальше я уже специально искала вопросы на химическую тему. Здесь таких достаточно много, но ни на один не было ответа! Она их просто пропускала. А теперь ты мне ответь, как полный профан может разработать операцию, основанную на химии, когда в ней ничегошеньки не смыслит? Касаров твой лопух, если до сих пор над этим не задумался.

– Дай-ка. – Лодовский взял книжечку и еще раз просмотрел. – Ну а если предположить, что в химии она и правда не сильна, она ведь и не говорит, что сама сделала открытие, это ее муж постарался. В таком случае ей вовсе и не надо эти формулы знать.

– Согласна, когда дело касается открытия – да, но ведь его и протолкнуть надо. А без элементарных знаний фиг это получится. В любом случае, или она должна сама в этой области хоть что-то мыслить, или около вас постоянно должны крутиться консультанты какие-то. Может, они у вас есть, а я их просто не заметила? И именно Элина должна была посоветовать, кого брать в консультанты, – это же знакомые ее мужа. А я так поняла, что она продвигать открытие собралась без посторонней помощи. А так быть не может. Значит, помощь все-таки была, только она ее афишировать не хочет по каким-то причинам. И еще один пунктик... Слушай, налей мне еще, а то в горле пересохло.

Лодовский наполнил ее стаканчик, и Тайка продолжала:

– Где Элина трудилась, что заканчивала?

– Заканчивала иняз, а работать, по-моему, нигде не работала.

– Вы мне столько раз говорили, что она много для вас сделала, она что, Шекспира вам на ночь в подлиннике читала?

– Не выкаблучивайся, говори нормально. При чем здесь Шекспир? Мы же тебе объясняли, она придумала, как с цветным металлом крутануться, потом с бензином надоумила. Рассказала, как грамотно повернуть.

– Так вот мне и думается, откуда эта грамота? Не в инязе же ее преподают. Если у нее были планы сотрудничать с зарубежьем, то надо было основные дисциплины изучить: экономику, финансы, я не знаю.

– Но она училась на курсах менеджмента и маркетинга.

Тайка вздохнула и безнадежно глянула на собеседника:

– Ты и в самом деле наивный. Курсы хороши только для тех, у кого есть прочная база – профилирующий институт, а для начинающего – это просто знакомство со словарем. Для директоров хорошо, чтобы они в ногу с конкурентами шли, не отставали, но уж из учителя иностранных языков за два месяца в акулу бизнеса превратить они точно не смогут. Вот и подумай над этим.

– Ты-то откуда знаешь? – пробубнил Лодовский и вытащил из «бардачка» бутерброд в целлофановой обертке.

– Юр, ты знаешь, я не верю, что Любаша умерла от сердечного приступа, – почему-то сказала Тайка. Лодовский молчал. Может, у него и были свои соображения, но делиться ими он не хотел.

Он разломил бутерброд и половину сунул Тайке.

– Ты не отвлекайся, откуда про маркетинг такие точности знаешь? Сама выводы сделала?

– Да нет, почему сама? Мы с Катериной на такие же курсы собирались. Мы ведь тоже вроде как в рыночных отношениях вращались, вот и хотелось ума побольше набраться. Только за двоих дорого платить было, мы решили, пусть Катерина одна походит, а мне все по тетради передавать станет. Ну Катька и отсидела все занятия от звонка до звонка, потом меня костерила – денег жалко стало. В общем, курсы прошли безболезненно, мозг остался незадетым.

– А Катерина – это кто?

– Это подружка моя, мы с ней в контейнере вместе работали и так.

– Катерина... Надо же, как пышно! – не мог не съязвить противный Лодовский.

– Да! Катерина! – обиделась Тайка за подругу. – Мы обычные и не выдаем себя за молоденьких девочек тридцати семи лет, которые насквозь фальшивые.

– Во разошлась! Не обижайся. У тебя еще что-нибудь есть интересенькое?

– На сегодня хватит!

Заведя мотор, Лодовский плавно вырулил на дорогу. Тайка опять схватилась за спрайт. Машину трясло, и пить на ходу не получалось. На первом же ухабе бутылка выскользнула и упала, орошая пол машины драгоценными каплями. Лодовский взвился. Его новая машина теперь будет заляпана этой сладкой водой! На секунду он забыл про управление и сунулся за бутылкой. Тайка уже суетливо шарила руками по полу. На мгновение головы их соединились, и ее обдало внутренним жаром.

– Тетеря! – завопил вдруг Лодовский, выравнивая машину. – Ты что, специально, что ли?

Оскорбленная в своих лучших чувствах, Тайка подняла наконец скользкую посудину и гордо вперилась в окно. На чистом затемненном стекле как раз на уровне ее глаз солнечным светом горели две аккуратненькие дырочки.

– Да, Лодовский, да, – еле слышно пролепетала она, – я специально. Я только что спасла нам обоим жизнь.

Тот, по обыкновению, уже сложил губы в ехидную усмешку, но, глянув на стекло, засуетился, вылетел на встречную полосу, затем резко свернул на обочину.

– Ну ни хрена себе! – выдал он, утирая невидимый пот. – Мы так не договаривались! Я понимаю, тебя по всем раскладам собирались укокошить, но я-то при чем?

– Может, это просто... камешком... – боялась поверить в случившееся Тайка.

Лодовский обошел машину со всех сторон. Кроме маленьких пробоин, на стекле никаких следов не было. Он, сидя за рулем, держал окно раскрытым, поэтому стекла с его стороны не пострадали, хотя стреляли именно в это открытое окно.

– Ты хоть номер машины запомнила? – проявил запоздалую бдительность Лодовский.

– Нет, я и саму машину не видела.

– А куда смотрела?!

– Туда же, куда и ты, – вниз, бутылку искала, – оправдывалась Тайка.

– Едем домой! Дома подумаем, как дальше быть.

Касаров склонился над столом. Вчера приходили ребята, которые вплотную занимаются тетрадами с биохимическим открытием. Но уже с первой минуты, как они вошли, Касаров понял, что от науки они далеки. Надо было искать других, к наукам поспособней. Но надежды на благополучный исход всего мероприятия с каждым днем таяли. Касаров помнил, как Лодовский уговаривал его:

– Сходи к Луи. Он по своим каналам это дело до тонкости отточит, и не такие дела проворачивал.

Но идти к старику не хотелось. Остаться с копейками Касаров не желал. Луи попросит никак не меньше шестидесяти процентов, а то и больше, старик знает, с кого и когда можно качать деньжата. А уж если, не дай бог, эти тетради не будут иметь никакой ценности, тогда и того хуже – полетит лопухая головушка ко всем чертям. Но и без сильного помощника, Касаров видел, тут не обойтись, а сильным был только старик.

Лукин Виктор Николаевич, в определенных кругах просто Луи, кличку такую заслужил оттого, что был страстным поклонником Луи Армстронга. Это был человек шестидесяти пяти лет. Возраст его все знали точно, потому что он никогда его не скрывал; он всегда помнил, что каждый прожитый год приносил ему не только больше седины, но и опыт, новые связи и новые деньги. Теперь же Луи на всю катушку использовал эти богатства, и если брался за дело, то можно было быть совершенно уверенным – проколов у него не будет. Среди местных мафиозно-криминальных структур это была самая видная фигура. Не рассчитывая только на свой ум, Виктор Николаевич окружил себя самыми лучшими специалистами. Вот к нему-то и предлагалось направиться Касарову. И как там ни крути, а идти надо. Решение это было далеко не самым приятным. Нужно было подобрать удобное время и пригласить Луи к себе. Нет, не домой, боже избавь! Касаров устроит в ресторанчике «Малибу» вечер Луи Армстронга,

со всевозможными клипами, цветовыми эффектами, с джазом и с прекрасной кухней. И вот тогда уже, может быть, Виктор Николаевич снизойдет до беседы. Сейчас голова была занята только этим, Марк даже дома не выпускал из рук трубку телефона, листал какие-то старые журналы и искал в Интернете сведения об исполнителях.

«Вот люди! Теперь в джаз ударились, самое время!» – думала Тайка. Она обиженно вспомнила, как они с Лодовским сообщили Марку о дорожном приключении. Тот только недоверчиво выслушал, а когда Лодовский показал дырки от пуль, то обматерил родственника и даже дамы, то есть ее, Тайки, не постеснялся. Потом, правда, носился, прибежал со здоровеными быками, вместе с Лодовским они о чем-то договаривались, но Тайку в разговоры никто посвящать не думал. Тайка судорожно вздохнула и пошла на кухню. Нет, сегодня она им ничего готовить не будет, имеет право. Просто надо на маленький столик поставить кофейник, положить на тарелочку вот эти четыре разные пирожные, она их специально сегодня купила, и добавить к натюрморту коробку любимых конфет. Для пущей приятности необходимо этот столик прокатить в свою комнату прямо перед носом Касарова и Лодовского. Пусть от зависти у братцев изжога начнется! Она плавно проехала мимо мужчин, но удрученный Касаров даже ухом не повел в ее сторону, а Лодовский бесцеремонно спер со столика тарелочку с пирожными. Такой наглости Тайка от взрослого мужчины не ожидала, она побыстрее пронеслась в свою комнату и уже из-за закрытой двери звонко закричала:

– Верни «картошку» немедленно! Так и знай, завтра нажарю котлет и обвалю их в детской присыпке!

– Марк, может, сегодня в «Янтарь» сходим? – вдруг предложил Лодовский брату.

– С чего бы это? Какие такие радости обмывать?

– Сегодня у твоей теперешней жены... у Анисьи, тьфу, черт, у Таисии, ну у Тайки, сегодня день рождения.

– Да вы что?! Решили меня доканать?! – взорвался Касаров и обессиленно плюхнулся в кожаные объятия дивана. – Нет! Мне кажется, она никогда отсюда не исчезнет. Вот уже и дни рождения ее стали праздновать, через пять месяцев годовщину нашей свадьбы отметим, а там и до серебряной рукой подать.

– Да не-е-ет, до серебряной ей не дожить.

– Кому? Ей? Это я не доживу, а она будет в добром здравии, будь уверен. Вон уже как прочно обосновалась! Я уже и сам не знаю, кто у кого проживает.

– Дорогие мои мужчины! – появилась в дверях как ни в чем не бывало торжественная Тайка в светлом легком костюме. – Я хочу пригласить вас на вечернюю прогулку по городу. Я надеюсь, в день рождения я имею на это право.

– Ну вот, полюбуйся. А я тебе что говорил? – перекосясь Касаров. – Теперь она о своих правах заговорила. А завтра она тебе, Лодовский, расскажет о твоих обязанностях!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.